

С О Б Р А Н И Е С О Ч И Н Е Н И Й

Достоевский

Тополь

**Влюбленный
Достоевский**

**Лирические повести
для кино и сцены**

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2001

**Эдуард Тополь
Михаил Федоров**

Влюблённый Достоевский

К концу вторых суток Достоевский — усталый, пыльный, с закопченным лицом — въехал в Кузнецк и, спросив в трактире дорогу, нашел улицу и домик-«мазанку» Марии Дмитриевны.

Свалившись с коня, он — враскорячку — прошел через распахнутую калитку к крыльцу и рухнул на него в изнеможении.

Взляли соседские собаки...

Конь, оставленный без привязи, прошел еще метров девять — уличную темень, зашатался и тоже замертво упал на разъехавшиеся в стороны ноги...

И тут же Мария Дмитриевна, простоволосая, в одном халате, выскочила из двери.

На крыльце кулем лежал Достоевский.

Какое-то разочарование, почти досада мелькнула на лице Марии Дмитриевны, но и разом, впрочем, пропала.

— Павлик! Павлик! — позвала она сына и вдвоем с ним волоком втащила Достоевского в дом. — Воды, Павлик! Воду!..

Мальчик зажерпнул ковшом из кадки, стоявшей у печи, и плеснул в лицо Достоевскому, Мария Дмитриевна утирала его полотенцем, оно разом стало черным от копоти. После второго ковша воды Достоевский, все еще лежа на полу, открыл глаза, слготнул воду пересохшим ртом и сказал, счастливый, чувствуя ее ладони под своей головой:

— Маша! Я люблю тебя! Государь произвел меня в унтер-офицеры! Теперь я могу сделать тебе предложение, мы будем вместе! Я так счастлив, Маша!.. Что ж ты молчишь? Знаешь, как это случилось? Я написал стихи вдовствующей императрице. — Он сел, вдохновляясь собственным подвигом и хвастаясь им, как ребенок. — Конечно, я совершенно не умею делать стихи, я не Пушкин, но ради тебя, ради нас... И представляешь — эти ужасные стихи произвели впечатление! Я теперь унтер-офицер! И это только начало! Павлик, иди собирай свои вещи! Я увезу вас отсюда...

— Федя... — сказала она.

Но он не слышал, а возбужденно продолжал вслед мальчику, ушедшему в комнаты:

— Мы поедем ко мне, Павлик, в Семипалатинск! Я стану твоим отцом!

— Федор Михайлович... — повторила она негромко.

— Да, Маша, да, дорогая?! Что, любовь моя?! Дай мне руку!..

Только теперь он заметил, что что-то изменилось в ней за месяцы их разлуки; какое-то новое качество, горечь и глубина появились в ее глазах вместе с тенями под этими синими глазами.

— Федя, я полюбила другого...

— Что-о?

— Ты слышал, Федя. Я полюбила...

— Нет! — перебил он и продолжал, не понимая сам, что говорит: — Я не верю... Этого не может быть...